

УДК 94(47).042

НАБЕГ ИСЛАМ-ГИРЕЯ И САФА-ГИРЕЯ НА «БЕРЕГ» ЛЕТОМ 1533 Г.

В.В. Пенской¹, Т.М. Пенская²

^{1,2} *Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

308015, Белгород, Российская Федерация

¹ *E-mail.ru: penskoy@bsu.edu.ru*, ² *E-mail.ru: penskaya@bsu.edu.ru*

Убийство ногайскими мирзами крымского хана Мухаммед-Гирея I в Астрахани в 1523 г. и последовавшее за этим опустошение ногаями Крыма нарушили хрупкий баланс сил и интересов влиятельных крымских кланов и привели к долгой и кровопролитной крымской «замятне», которая продлилась полтора десятка лет.

Цель: проанализировать набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на русские земли летом 1533 г.

Материалы исследования: акты, относящиеся к истории Западной Сибири, русские летописи, литовско-белорусские летописи, разрядные книги.

Результаты и научная новизна: в своем военном походе Ислам-Гирей и Сафа-Гирей опирались не только на поддержку расколовшейся на враждебные группировки крымской аристократии, но и на помощь Стамбула, Вильно и Москвы. Последние стремились использовать крымскую усобицу в собственных интересах, стравливая враждующие крымские «партии» и пытаясь направить их энергию вовне, на своих противников. В результате целеустремленная до этого внешняя политика Крымского ханства утратила свою цельность и стала подобна флюгеру, поворачивающемуся вслед за дуновением ветров. Тактические соображения, погоня за сиюминутной выгодой пришли на смену достаточно четкому и уверенному внешнеполитическому курсу Менгли-Гирея I и Мухаммед-Гирея I.

Как итог, никто из соседей Крыма не был застрахован от внезапного нападения со стороны почувствовавших волю татарских «кланов, князей и мурз» и их людей, готовых рискнуть своей свободой, а то и жизнью, ради богатой добычи, «животов» и ясыря, которые можно было взять в случае удачи у застигнутых врасплох соседей. На русско-литовско-крымском пограничье все эти годы постоянно клубились тучи, время от времени разражавшиеся грозой. Одной из таких гроз стал приход Ислам-Гирея и его двоюродного брата Сафа-Гирея на государеву Украину летом 1533 г.

Ключевые слова: Россия, Крым, русско-крымские отношения в 1-й пол. XVI в., Василий III, крымские Гиреи, русско-крымские войны.

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на «берег» летом 1533 г. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 552–569.

Лето 7041 г. от сотворения мира (1533 г. от рождества Христова) выдалось богатым на всякие неприятности, отмеченные русскими книжниками. 23 июня, во второй половине дня («в 11 час дни») на Москву обрушилась сильнейшая гроза, после которой, как писал пожелавший остаться неизвестным летописец, «не бысть дождя до сентября месяца, но засуха и мгла велія, аky дым горка,

леса выгореша и болота водные высохша, и солнце в 3 часа дни явльшеся красно, и луч сияше от него красен чрез весь ден». Новгородский же книжник к этому добавлял, что «множество изомроша скота по селам от жажды водных, ... и во мнозех местех села выгореша и со скоты». Мгла от лесных и торфяных пожаров покрыла все и вся, и была порой столь густой, «якоже и птиц не видети по воздуху парящих, а человек человека в близи не узрит». Прошло несколько дней, и «явися на небеси звезда велика и испущаше от себе луч велик». И это было не последнее грозное предзнаменование этого года – «того же лета, августа в 19, в первом часу дни солнце гibly до шестого часа дни» [16, с. 551–552; 18, с. 283; 23, с. 266]. Подытоживая ожидания от всех этих природных явлений, летописец записал – «людие же поразсудив, и глаголаху в себе, яко быти во царстве пременению некоему...» [16, с. 553].

И в довершение всех бед «прииде к великому князю весть с Поля, месяца августа в 12 день (согласно Постниковскому летописцу – 11 августа, а Воскресенская летопись датирует это событие 14-м августа – *В.П., Т.П.*), за три дни до Оспожина дни, что к Рязани идут безбожнии татаровя крымские» [16, с. 552; 17, с. 17; 18, с. 283; 51. Ср.: 23, с. 266]. Воскресенская летопись, более словоохотливая по сравнению с другими летописями, сообщала, что вестником, принесшим новость о приближении татар, был служилый татарин Неболса Тулушыков. Возвращаясь из Валахии, куда он ездил с великокняжеской грамотой тамошнему воеводе, на Волчьих водах Неболса был перехвачен татарским дозором и доставлен к калге-наследнику крымского стола Ислам-Гирею [13, с. 264].

Оказывается, на пути великокняжеского гонца разбили свой лагерь калга и его двоюродный брат, бывший казанский «царь» Сафа-Гирей со своими нукерами, «а жжидаются с людми», намереваясь совершить набег на государеву украину. «И Ислам Неболсу издержал, – продолжал далее летописец, – а к великому князю въскоре вести ради не отпусти, правду свою порушил, и измену учинил» [18, с. 283]. Лишь достигнув Северского Донца (на переправах через него?), Ислам отпустил татарина, который и поспешил на Москву с недоброй вестью. Помимо всего прочего, Небольса сообщил также, что «Ислам царь, и Сафа Кирей царь и иные царевичи крымские со всеми крымскими людми, да и прибылние с ними люди многие, идут на великого князя украину на Рязань» [18, с. 283].

Какую измену учинил Ислам-Гирей и какую правду перед Василием III он нарушил? И как оказались на Волчьих водах два татарских царевича? И почему они решили отправиться в жаркое и сухое лето 1533 г. войной на государеву Украину? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вернуться на несколько лет назад, в 1527 г., когда Ислам-Гирей, совершив неудачный набег на русское пограничье (и о котором мы писали прежде), вернулся обратно в Крым.

Этот неудачный поход положил конец шаткому перемирию, установившемуся было меж враждующих крымских «партий». Вскоре после возвращения калги из набега приугасшая было крымская «замятня» полыхнула снова, и как! Похоже, что Саадет-Гирей ждал, пока племянник оступится, и как только это произошло, не замедлил толкнуть падающего. Не ожидавший такого вероломства со стороны дяди, Ислам-Гирей был наголову побит, и, бросив свои «животы» на поживу победителям, сам-друг бежал к великому литовскому князю Сигизмунду I, рассчитывая на помощь его и бывшего хана

Большой Орды Шейх-Ахмеда, который на правах то ли гостя, то ли заложника обретался в Литве. Стоявшие за спиной Ислам-Гирея князь Мемеш, Ай-дешка-мурза и ряд других знатных татарских аристократов были схвачены и по приказу Саадет-Гирея казнены. Об этом хан не преминул сообщить в марте 1528 г. Василию III, настаивая на обмене «большими» послами и установлению дружеских отношений между Москвой и Кыркором (не иначе, как Саадет-Гирей, опершись на «московскую» партию, рассчитывал теперь воспользоваться поддержкой Василия III в борьбе с непокорными князьями и племянником) [См.: 13, с. 251–252; 26, с. 59; 28, с. 107–108; 30, р. 453–454; 31, р. 68–69; 32, р. 469, 477, 478, 479, 480, 482, 488, 489, 490].

Однако Саадет-Гирей рано праздновал победу. Его племянник в борьбе за власть (за «столець господарьский, отъца своего отъчизный») и до этого проявил недюжинную изворотливость и настойчивость, не пренебрегая ничьей помощью и поддержкой ради достижения своей цели (эту бы энергию да на благие цели!). Не стал изменять своей натуре он и на этот раз. Ислам-Гирей фактически согласился стать вассалом Сигизмунда Старого (как говорилось в королевском наказе посланному к Ислам-Гирею великокняжескому гонцу М. Заморенку, «называючи собе господаря нашего отъцом», почему Сигизмунд и готов был принять беглого калгу «в ласку свою, как то отец сына своего» [32, р. 468]). А «ласка» эта выразилась прежде всего в том, что, во-первых, Сигизмунд ответил согласием на просьбу Ислам-Гирея дать ему людей «з деды» и наказал «знакомитому пану Михаилу Григоревичу» «со всех городов и волостей украинских» «собрати люди челновые», «немалый почоть людеи з гокавницами и з ручьныцами, и з иньшими бронями». А во-вторых, Сигизмунд Ислам-Гирею и его людям «кожухи на зиму подавал, а на лето сукъни», разрешив, помимо всего прочего, кочевать ему и его людям «подле Черькас», о чем и был в октябре 1528 г. послан соответствующий «лист» старому «знакомцу» царевича каневскому и черкасскому старосте О. Дашкевичу [1, с. 190; 32, р. 469, 477–478, 480].

Более того, вступив в переписку с Шейх-Ахмедом, Ислам-Гирей сумел договориться со злейшим врагом дома Гиреев о совместных действиях против своего дяди. Зимой 1527/1528 гг., как писал Шейх-Ахмед Сигизмунду позднее, «Осьламъ, царь, своего одного князя Бабая (сын покойного Мемеша – *В.П., Т.П.*) ко мьне присылал и рокъ (время сбора – *В.П., Т.П.*) положыл, ижъ мел я к нему быти весною». И Шейх-Ахмед, во исполнение договоренности, прибыл к Ислам-Гирею «з малыми людми», а именно с Ибаком-сеидом, князем Тохтамышем и князем Ямгурчи и другими «князи, вланы, всех на трыста». Более того, астраханский «царь» Касым отписывал Сигизмунду, что де «отъцу нашому Шыг Ахмату такъ ся повидело, што поехал, а нас тут на отъчизне зоставил. А мы тут поготову на конех седимъ, которая весть отъ него будетъ до нас, хочемъ его прыятелю прыятелем быти, а не-прыятелю не-прыятелем» [32, с. 488–489].

Одним словом, Ислам-Гирею удалось заручиться поддержкой Сигизмунда I и договориться о совместных действиях против дядюшки с Шейх-Ахмедом (и то, что Ахматович был наследственным врагом Гиреев, его совершенно не смущало – в борьбе за власть Ислам не собирался стесняться в выборе средств). При том, что в Крыму у него оставалось немало могущественных сторонников, шансы на успех в новом раунде противостояния у него

были, и немалые. И Саадет-Гирей это прекрасно понимал, почему и писал Василию III – «и ты бы татаром не верил, их правде... Татаровя бога ся не блюдут, и правды в них нет, на правде не стоят» [Цит. по: 26, с. 59].

Судя по всему, летом 1528 г. (украинский исследователь Б.В. Черкас датировал это событие следующим, 1529 г. [28, с. 108]) Ислам-Гирей нанес контрудар. Позднее он сообщал Сигизмунду, похваляясь своими успехами, что де «тыми разы, отца нашего, вашимъ счастьем, в Перекопъ уехавшы, Садеть Кгирея, царя, погромил и люди его многии поразившы и вышли». При этом, продолжал Ислам-Гирей, он не собирался оставлять дядюшку в покое, ибо «все тамошньнии люди нас хотятъ». Многие татарские аристократы со своими людьми, писал калга, переезжают к нему, Ислам-Гирею, и его «милости, отъцу нашему» на службу, как это сделал «Давълетъ улановъ сынъ, солтанъ Кул уланъ у головах и з ынъшыми» и «князя Обрагимовъ братъ Бабъке муръза у головах з ынъшыми» [32, с. 479, 480].

Правда, одержать окончательную победу на Саадет-Гиреем и на этот раз Ислам-Гирей не сумел. В августе 1529 г. крымский «царь» писал Василию III, если раньше он чувствовал себя на «стольце господарьском» неуютно, ибо «земля мешалась», то теперь, когда буря миновала, он крепко держит бразды правления в своих руках. Ему удалось договориться (при посредничестве турецкого посла Айдар-бека [14, с. 193]) об очередном примирении с племянником («нехай паньство наше не гинеть, а мы межы себе зъєднаймо ся»), который в обмен на лояльность получил во владение Очаков с Перекопом и отправил от себя Дашкевича с его людьми [26, с. 59; 28, с. 108–109; 32, р. 480, 482, 483].

Однако, поспешив согласиться на щедрое предложение дяди, Ислам-Гирей попал в ловушку. Шейх-Ахмет, прознав про то, что его союзник тайно договорился с Саадет-Гиреем, поспешил вернуться за Волгу, обратившись за помощью «людми добрыми, а к тому дел и ручниц» к Сигизмунду с тем, чтобы потом самостоятельно «отъчизни свое искати под перекопъскимъ». Да и Сигизмунд также остался недоволен тем, что его попытались обвести вокруг пальца, почему он закрыл глаза на «шалости» браславского и винницкого «врадниковъ» Миколая и Семена. Последние, явившись под Очаков «в тысячу конех», внезапно атаковали людей Ислам-Гирея, «которые были с конми на поли», и этих людей, общим числом 260, побили (в том числе 93 «добрых знаменитых») татарина, и вдобавок ко всему еще и «князя Мемешова брата а князя Алдиярова брата, а князя Хасенова брата, Кул Ахметева брата, а Такътомъшь муръзу, князя Кечубанова брата, князя Балдеевы три брата, князя Тибенекovy два брата, Акишь муръзыны чотыры брата, князя Бокиевы два мамъчычы, Шырынъского князя Бабаевы два мамъчычы»), а коней угнали. Это нападение Сигизмунд объяснил тем, что де посланные на помощь Ислам-Гирею не были извещены о том, что калга примирился с Саадет-Гиреем, потому де и «людеи твоих (Ислам-Гиреевых – В.П., Т.П.) погъромили, довънимаючы, абы то были люди непрятеля твоего». При этом Сигизмунд сильно обиделся, что ислам-гиреевы татары, сидевшие тем временем в «замъку» и узнавшие о побитии их «братъи и племени», напали на торжествовавших победу Миколая и Семена со товарищи, и «тых людеи нашихъ побили и поймали» [32, р. 480, 481, 482, 483. Польскую версию событий см., например: 33, s. 322–324].

Оставшийся без союзников, Ислам-Гирей на время присмирел – с немногими оставшимися верными ему людьми в открытую противостоять дяде он не мог. Ему оставалось только ждать, пока недовольные правлением Саадет-Гирея князья и мурзы (те же Ширины) не попытаются выступить против хана. Крымский же «царь» тем временем пытался договориться с Василием III о возвращении в Крым имущества побитых в Москве после набега Ислам-Гирея татарских послов и о высылке в Крым «поминков» в том же размере, что и прежде [13, с. 253]. Демонстрируя свою приязнь (и в расчете на выполнение своих требований), Саадет-Гирей в ноябре 1530 г. шертовал Василию III, обещая «быть им в дружбе и любви; единодушно стоять противу польских королей и Ахматовых детей; российских земель и украинских городов невоевать; послов не грабить...» [10, с. 15].

Василий, зная о затруднительном положении хана, не торопился с исполнением его просьб, рассчитывая воспользоваться благоприятно складывавшимися обстоятельствами для того, чтобы решить «казанский вопрос». Весной 1530 г. большая русская конная и судовая рать двинулась на Казань. С ходу взять город не удалось, однако правивший в Казани племянник Саадет-Гирея Сафа-Гирей был вынужден вступить с Москвой в долгие и сложные переговоры. Одновременно Москва, умело играя на противоречиях внутри казанской правящей элиты, смогла создать условия для дворцового переворота в Казани, который и случился в начале 1532 г. [См.: 25, с. 64–66].

Тем временем Саадет-Гирей, не получая «поминков» ни из Москвы, ни из Вильно, сквозь пальцы смотрел на «инициативы» отдельных князей и мурз, отправлявшихся разжиться «животами» к соседям. Так, летом 1530 г. 650 татар попытались ополониться в Литве. Однако их там уже ждали, и давно – еще в конце 1529 г. Сигизмунд писал Дашкевичу, что «тотъ неприятел нашъ царь перекопский на то бурыцца, скоро с Осламом помирившы ся, хотят под тыи замьки наши поити воевати» [32, р. 495]. Воевода киевский А. Немирович и уже известный нам пограничный «барон», староста черкасский О. Дашкевич, отправили в погоню за неприятелем гетмана князя И. Дубровицкого во главе 1,5 тыс. «кожьнеров, пенежных людей (т.е. наемников – *В.П., Т.П.*)», которые разгромили татар и отбили взятый ими полон [12, с. 170, 192, 213, 236; 33, с. 328].

Более удачным был набег, предпринятый царевичем Бачкаком зимой 1531 г. «на одоевские места и на тульские» (похоже, что царевич не даром ходил вместе с Ислам-Гиреем на Москву в 1527 г.). Бежавший из крымского плена полоняник Трофимко Рудаков сообщил в конце января 1531 г., что татары намерены напасть на окрестности Стародуба, и Василий отправил воевод в Козельск. Однако Бачкак с 5 тыс. всадников (?) 20 февраля внезапно появился юго-западнее Тулы и «роспустил войну» в окрестностях Белева, Одоева и Тулы. Василий III отдал приказ командовавшему козельской ратью князю И.М. Воротынскому спешно идти на помощь тульским воеводам, однако воеводы замешкались, и в итоге Бачкак, нахватав по быстрому ясыря, сумел уйти невредимым. Разгневанный медлительностью своих военачальников, великий князь наложил опалу на обоих воевод Большого полка, на Воротынского и окольного И.В. Ляцкого, и на 1-го воеводу Передового полка князя И.Ф. Овчину Оболенского [13, с. 256; 19, с. 78; 20, с. 218, 219, 220].

И, похоже, к весне 1531 г. в Крыму сложилась ситуация, аналогичная той, что была четырьмя годами раньше. Саадет-Гирей и поддерживавшие его сторонники примирения с Москвой почувствовали, что их положение становится все более и более шатким. Василий III не торопился слать большие поминки, ограничиваясь одними обещаниями да перепиской (а между тем вел дело к тому, чтобы прибрать Казань к своим рукам). Попытки надавить на Сигизмунда успеха не имели – набеги на сигизмундовы владения отражались (а московские воеводы, в отличие от литовских, допустили досадный прокол, имевший, как показали дальнейшие события, далеко идущие последствия). Разозленный меньшими, чем ожидалось, размерами присланных из Москвы подарков, Саадет-Гирей приказал ограбить русского посла С. Злобина. Сделав это, он отправил в Москву гонца с упреками за недостаточные, с его точки зрения, «поминки», оправдывая при этом свои действия по отношению к Злобину убийством крымских послов в Москве в 1527 г. [13, с. 255–256].

Но беда не приходит одна – пока хан размышлял, а не попытаться ли снова заручиться дружбой со стороны Вильно, против него созрел заговор. Стоявший во главе Ширинов Бахтеяр-мурза и его брат Аулияр-мурза, по сообщению русского посла в Крыму С. Злобина, задумали убить Саадет-Гирей. Так ли это было, или же Бахтеяр-мурзу с братом подставили «царский» брат Сахиб-Гирей, вернувший себе звание калги, брат главы рода Ширинов Токузак-мурза и собственный сын мурзы Юнус – сегодня уже выяснить трудно. Однако Саадет-Гирей, уверенный в том, что Бахтеяр и Аулияр намерены, устроив переворот, возвести на трон Бачкак-Гирей, а его брата Юсуфа сделать калгой, решил воспользоваться приглашением главы Ширинов посетить его столицу, Старый Крым. Окружив себя османскими янычарами и спахи, взяв с собою артиллерию, хан отправился в гости. Исход этой поездки был печален. Бахтеяр, Аулияр, Бачкак и Юсуф были казнены вместе с детьми и теми ширинскими мурзами, кто не успел бежать из города, а Сахиб-Гирей тем временем изгоном напал на ширинские кочевья [3, с. 178–179; 13, с. 258; 26, с. 59; 28, с. 109; 30, р. 454]. Очевидно, что эти весенние события 1531 г. имели самое непосредственное отношение к известию, которое было получено в конце июля того же года в Москве. Все тот же С. Злобин писал, что старый астраханский «царь» Касым пропал безвестно, а на его место сел Ислам-Гирей [4, с. 114]. Очевидно, что бегство бывшего калги было связано с неудачной попыткой дворцового переворота и истреблением Ширинов Саадет-Гиреем.

Однако долго в Астрахани Ислам-Гирей не задержался. Не прошло и нескольких недель после его воцарения, как ему пришлось бежать из Астрахани, а Касым вернулся на свое место. И, видимо, беглецы, подобные Исламу и ширинским мурзам, стали причиной тревог, что неоднократно поднимались на государственной Украине летом 1531 г. [См., например: 20, с. 221–222]. Сам же Ислам-Гирей, оказавшись в крайне сложной ситуации, попытался разыграть одновременно и московскую, и литовскую карту, вступив в переговоры как с Василием III, так и с Сигизмундом I на предмет получения убежища и помощи против Саадет-Гирей. В конце 1531 г. он отправил к Василию «князя своего Кудодара Кудьярова сына Бангозина» с посланием, в котором предложил великому князю дать ему «место» в своей земле, а он, Ислам-Гирей, за это согласен считать себя «сыном» Василия и «неотступен хочет быти от великого князя и до своего живота» [18, с. 278–279].

Лишний татарский царевич никогда не помешает, решил Василий III, тем более что удел у него выпрашивал претендент на крымский стол, почему на просьбу Ислама великий князь ответил добром, «пожаловал, и в братстве учинился и сыном его назвал». Сам же Ислам-Гирей шертовал великому князю в том, что «ему от великого государя и от его сына от князя Ивана Васильевича неотступну быти, и великому князю Василию и его сыну Ивану и их украинам лиха никоторого не чинити» [18, с. 279]. Примечательно, что несколько позже, в самом начале 1532 г., Ислам-Гирей со своими людьми прикочевал под Канев и Черкассы, откуда вступил в переписку с Сигизмундом. Король в феврале 1532 г., обращаясь к панам рады Великого княжества Литовского, писал, что татарский царевич «к нам ся склоняет и пишет до нас, жедаючи о помоч напротивку Садеть-Кирея, цара Перекопского, будучи тое надеи, ажбы мог того столца, отчызны свое дойти». При этом Сигизмунд указывал, что при Исламе находится московский посол, и московский великий князь одарил бывшего калгу богатыми подарками и «к нему ся залецает, абы он до него склонность мел» [2, с. 4, 5].

Пока же паны рада судили и рядили, как поступить с Исламом, Саадет-Гирей, прознав про то, что его племянник обосновался под Черкассами, решил разобраться с ним раз и навсегда. Собрав верных ему людей и взяв с собою свою османскую гвардию (М. Бельский писал, что у Саадет-Гирея было 1,5 тыс. янычар и 50 пушек), в марте 1532 г. хан явился под Черкассы и осадил замок. Ислам-Гирей, по словам М. Бельского, успел уйти в московские пределы, а О. Дашкевич со своими людьми сел в осаду и держался против татар и турок 13 дней, пока из Киева Днепром не прибыла помощь, и Саадет-Гирей был вынужден снять осаду [Об обороне Черкасс см., например: 27, с. 63; 29, с. 1055–1056]. Пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, Саадет-Гирей вступил в переговоры с Дашкевичем и даже побратался с ним, рассчитывая при помощи старосты найти общий язык с Сигизмундом. Однако это не помогло хану. Неудача под стенами Черкасс дорого стоила ему. Можно предположить, что уцелевшая к тому времени крымская аристократия (клан Кипчаков во главе с Селимшахом?), добившись от Саадет-Гирея устранения его брата Сахиб-Гирея (последний, оговоривший Селимшаха и ряд других князей, был отправлен ханом в Стамбул осенью 1531 г.), наметнула «царю», лишившемуся поддержки в лице удаленного калги и последних своих сторонников, что его дальнейшее пребывание на троне становится слишком тягостным для крымской «земли». В итоге в мае 1532 г. Саадет-Гирей отказался от власти и уехал в Турцию.

Торжествующий Ислам-Гирей занял было опустевший отцовский стол, но затем призадумался. Как писал В.Д. Смирнов, «зная связи Сеадет-Гирея в Стамбуле, он (Ислам-Гирей – *В.П., Т.П.*), естественно, думал, что ему даром не пройдет торжество на Сеадетом, тем более, что не все же татары были его сторонниками (в самом деле, если Ислам-Гирей опирался на Ширинов, а его дядя – на тех же Кипчаков и, возможно Мангытов, то следовало ожидать, что Ширины попытаются взять реванш, а это, естественно, было не по вкусу бывшим сторонникам Саадет-Гирея – *В.П., Т.П.*). Тогда, не будучи уверен в прочности своего положения и не дожидаясь, пока султан предпримет что-нибудь против него, Ислам-Гирей сам послал султану просьбу назначить ханом в Крым того, кого он хочет» [24, с. 304].

После недолгого раздумья султан Сулейман I решил, кого ему угодно видеть на крымском столе, и отправил туда обретавшегося под султанской рукой Сахиб-Гирея, вручив тому знаки своего монаршего благоволения – грамоту-маншур, бунчук и барабан. А чтобы у Ислам-Гирея и его сторонников не возникало сомнений относительно того, на чьей стороне его султанское величество, то Сахиб-Гирея сопровождал немалый отряд капькулу. Крымские и османские хронисты писали, что Сулейман передал Сахиб-Гирею не много ни мало, а 1000 стрелков-секбанов, 300 латников-спахи, 60 пушкарей, не считая прочих, составлявших свиту хана. К тому же султан пожаловал Сахиб-Гирею на содержание всего это воинства еще и немалую сумму т.н. «псарных денег», «секбан акчеси» [5, с. 48; 24, с. 307]. Правда, это войско, по замечанию В.Д. Смирнова, выполняло функции не только и даже не столько эскорта хана, но и конвоя, присматривавшего за тем, чтобы поставленный султанской волей крымский правитель не забывал, кому он обязан властью. Но об этом Сахиб-Гирей узнает позже, а пока он, торжествуя победу, начал обживаться в ханской резиденции. Ислам-Гирей был вынужден удовлетвориться статусом наследника-калги и удалился в Ферах-Керман, где начал вынашивать планы продолжения борьбы за власть. В крымской «замятне» начался новый этап.

Наблюдая за тем, что происходило в 1531–1532 гг. на литовской Украине, мы совсем упустили из виду развитие событий на Украине московской. Пересылки летом – осенью 1531 г. между Василием III и Саадет-Гиреем завершились тем, сперва из Крыма в Москву прибыл ханский гонец Айкиш, сообщивший Василию III о том, что де «царь» ратифицировал шертную грамоту и собирается с походом на Сигизмунда I. Затем, 30 марта 1532 г. в русскую столицу вернулся С. Злобин, а вслед за ним «придоша послы к великому князю на Москву ис Крыму, от Саидет Гирея царя, Авелших с товарищи». Вместе с ними в русскую столицу была доставлена долгожданная ханская шертная грамота [13, с. 261; 18, с. 79]. Крымский «царь», снова неуютно почувствовавший себя на троне, не стал настаивать на своем требовании «Магмет-Киреевой дани» и в преддверии нового витка борьбы за власть попытался опередить племянника в попытках заручиться поддержкой Москвы, не только утвердив шерт, но и предложив Василию III военный союз против Сигизмунда. Однако, как было сказано выше, это Саадет-Гирею не помогло – неудачный поход на Черкассы положил конец его пребыванию на крымском троне.

Слухи о переменах в Крыму подтвердились в августе 1532 г., когда оттуда вернулся ездивший к хану великокняжеский посланник Р. Писарев. Он сообщил великому князю, что «Саидет Гирея царя крымского на царство не прочат», да и ханская грамота, доставленная им и просившая Василия не отправлять «великого посла» в Крым, а отослать поскорее татарских послов, говорила сама за себя [18, с. 279]. В Москве же при первых известиях об очередном обострении борьбы за власть в Крыму (а тут еще Ислам-Гирей прислал Василию грамоту, в которой сообщил – Саадет-Гирей де намерен напасть на государеву Украину [6, с. 380; 13, с. 262; 23, с. 265]) поспешили принять соответствующие контрмеры. В конце июля 1532 г. от Серпухова до Коломны на берегу стояли 33 воеводы с цветом московского воинства – по меньшей мере, 20–25 тыс. «сабель и пищалей». Они наглухо перекрыли все броды через Оку. Еще 12 воевод (около 8–10 тыс. «сабель и пищалей») несли

службу на Рязанщине, а 7 (5–6 тыс. ратных людей) – на Угре [См., например: 29, с. 229–233]. Впечатленный великолепием и многочисленностью государственной рати, неизвестный русский книжник писал потом, что великий князь, готовясь к отражению набега, отправил на берег многих воевод, а с ними «княжат и дворян двора своего и детей боярских изо многих городов безчислено много; а наряд был великой, пушки и пищали, и ставлены на берегу на вылезех, от Коломны и до Коширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добре много, столко и не бывало...» [23, с. 266].

Правда, на этот раз столь масштабные военные приготовления Василия III оказались излишними – хотя перемена власти в Крыму и прошла относительно спокойно, татарам было не до организации большого похода на «московского». И, по нашему мнению, А.А. Зимин был неправ, полагая, что, возможно, поход Саадет-Гирея не состоялся в том числе и потому, что Василий III выставил на берегу Оки огромную рать. Вне зависимости от того, в мае ли, в сентябре ли 1532 г. Саадет-Гирей отрекся от престола и покинул Крым, летом 1532 г. ему было не до организации сколько-нибудь крупного похода на Москву или куда-нибудь еще. Неудача под Черкассами поставила крест на его политической карьере [6, с. 380]. Держать же огромную, по меркам того времени, рать против отдельных, решивших показаться на свой страх и риск мурз, было неразумно, и осенью полки были распущены. На Коломне да на Осетре, в новопостроенной крепости «у Николы» (будущий Зарайск) остались 8 воевод (не больше 4–5 тыс. «сабель и пищалей»), на Рязани 1 воевода да 4 головы вместе с ним (1,5–2 тыс. «сабель и пищалей») да в Туле еще около 1 тыс. ратных людей во главе с 3-мя воеводами [См., например: 19, с. 81].

Однако почивать на лаврах было рановато. Вынудивший своего дядю удалиться в Стамбул, Ислам-Гирей поспешил отправить в Москву «своего человека Маимуша з грамотою», а в той грамоте новый крымский «царь» сообщал Василию об изгнании Саадет-Гирея и о том, что теперь в Крыму новый владыка [18, с. 281]. Особой радости от этого известия Василий III и его бояре не испытали – регулярные сношения Ислам-Гирея с Сигизмундом I ни для кого не были секретом, равно как и абсолютная беспринципность и ненадежность нового хана, с легкостью забывавшего о своих обещаниях. Тем не менее, по установившемуся обычаю, в Москве решил отправить в Крым посла В. Левашова с приличествующими случаю поздравлениями и подарками. Правда, пока посольство собиралась, в очередной раз все поменялось – от Ислам-Гирея приехал Будаи-мурза со товарищи, доставивший Василию ханскую грамоту, составленную в весьма высокомерных выражениях. Прибывший же из Крыма служилый татарин Т. Кадышев привез известие, что юридически Ислам-Гирей царем не является, поскольку отправил в Стамбул просьбу посадить на ханство своего дядю Сахиб-Гирея, а сам Ислам стоит в ожидании султанского решения на р. Самаре. Ну а раз так, то, решили в Москве, Левашова с подарками посылать не стоит. К Исламу был отправлен гонцом служилый татарин Я. Кожухов с грамотой, в которой великий князь поздравлял своего непутевого «сына» с обретением отцовского стола и выговором за неблагодарность – его в трудную минуту приютили, обогрели, поддержали, а он ответил такой неблагодарностью! При этом Москва намекнула Ислам-Гирею, что не стоит забывать о шерти, которую он дал полгода с небольшим назад князю М.И. Кубенскому.

Осторожность Василия III оказалась совсем не лишней. 10 июня 1533 г. в Москву из Крыма вернулся Я. Кожухов, принесший весть, что Ислам-Гирей теперь калга, а новым крымским «царем» султан сделал его дядю Сахиб-Гирей. Вместе со служилым татаринком к Василию III приехал от нового «царя» его посол князь Салтанъяр (и гонец от Ислам-Гирей). Новость, что и говорить, была не из приятных – Сахиб-Гирей пользовался славой непримиримого врага Москвы, и рассчитывать даже не на союз, а хотя бы на относительно мирные отношения с новым крымским правителем не стоило. Да и сам Сахиб-Гирей поспешил подтвердить эти предчувствия. В своей грамоте он более чем прозрачно намекнул, чтобы «московский» поторопился со знаками внимания и поминками, угрожая в противном случае большими неприятностями [13, с. 264; 18, с. 283].

И неприятностей этих долго ждать не пришлось. Известие, которое доставил в Москву Небольса Тулушыков (и с которого мы начали этот рассказ), судя по всему, было не единственным. Похоже, что перемещения татар в поле были обнаружены и русскими сторожами (видимо, они-то первыми, на несколько дней раньше Неболсы, и сообщили в Москву о нашествии [1, с. 186]), которые исчислили приближающуюся татарскую рать в 40 тыс. всадников [См., например: 21, с. 522]. Правда, численность неприятеля, как это обычно бывало, сторожи сильно преувеличили – представляется, что, смечая татарскую сакму, русские дозорные имели в виду, прежде всего, коней, а не людей, и тогда можно смело уменьшить данную цифру по меньшей мере в 2–3 раза. В пользу такого предположения косвенно говорит также и то обстоятельство, что сам поход не носил официального характера, о чем позднее писал Сахиб-Гирей Василию – он де отправлял племянников походом на Сигизмундовы владения, а они самовольством решили совершить набег на земли Василия [13, с. 265]. Правда, в переписке Сахиб-Гирей с Сигизмундом I есть упоминание о просьбе хана предоставить собравшимся в поход на Москву ширинским князьям охранный лист «до старосты Черкасского и Каневского (О. Дашкевича – В.П., Т.П.), абы им (мурзам – В.П., Т.П.) жадная ся шкода не становилась от казак...» [1, с. 186]. Отсюда и вопрос – насколько неофициален был поход Сафа-Гирей и Ислам-Гирей? Кстати, из послания хана великому князю хорошо просматривается и мотивация участников похода – Сахиб-Гирей был обижен тем, что прибывший из Москвы посланник доставил слишком бедные поминки, а его народ, по словам хана, привык кормиться саблею. Потому, дескать, если Василий желает мира, то пускай шлет поминки побогаче!

Любопытно, но создается впечатление, что Ислам-Гирей и на этот раз остался верен себе и вел двойную игру. С одной стороны, он со своими людьми принял участие в организуемом его двоюродным братом походе (а в том, что именно Сафа-Гирей был главным двигателем этого предприятия, нет практически никаких сомнений – уже после возвращения в Крым он сообщал Василию III, что «за все ми тебя воевати не перестати и совершенно тебе мстити хочу; и где будет твой недруг и яз с ним соединячуся. Так бы еси ведал» [Цит. по: 13, с. 266]) и задержал Небольсу, отпустив его лишь тогда, когда времени на принятие соответствующих контрмер у Василия III практически не оставалось. Но с другой стороны, Ислам-Гирей отправил Василию грамоту, в которой писал: «Идет на тобя крымской царь да казаньской, и яз, ден,

неволею иду — царь меня послал турьской, а отдал мне вотчину мою да 2 града придал мне свои. Иду яз, а тебе дружу» [11, с. 12].

Но вернемся обратно к набегу Сафа-Гирея и Ислам-Гирея. Сказать, что для Москвы эта новость прозвучала подобно грому среди ясного неба, нельзя. Печальный опыт свидетельствовал против чрезмерного благодушия, и потому с началом весны на крымской Украине были, как это стало уже традицией, развернуты государевы полки. Согласно разрядной росписи, датированной 11 мая 1532 г., 7 воевод (примерно 2,5–3 тыс. ратных людей) находились в Туле, 3 воеводы и 3 головы (около 2 тыс. ратников) — на Рязани. Еще 6 воевод со своими людьми (2–2,5 тыс. «сабель и пицалей») встали на засеке на р. Боброк под Белевым (спустя сто лет она выглядела следующим образом, и вряд ли картина в 30-х гг. XVI столетия существенно отличалась: «а по Боброку сечена лесом засека и надолбы к Оке реке поставлены были, и острог, и ров копан, и по воде по речке по Боброку честик-колье дубовое вострое в колоды ставлен» [8, с. 117]). Правда, если сравнить с прошлогодней росписью, то нетрудно заметить — эпицентр группировки русских войск был смещен «за реку» на юго-запад, да и сама численность государевой рати была небольшой — не больше 10 тыс. чел., 2/3 из которых собрались под Тулой. С чем это связано? При анализе разрядных записей за этот год обращает на себя внимание тот факт, что значительная группировка русских войск была развернута на Северщине — в районе Новгород-Северского и Путивля находились 10 воевод (4–5 тыс. «сабель и пицалей»), сибирский царевич Ак-Довлет б. Ак-Курт со своими людьми и служилые татары (примерно 1–1,5 тыс. «сабель») [19, с. 81–83; 20, с. 238–240; 23, с. 366]. И если эти полки развернулись здесь в преддверии похода на Киев (похоже, что в начале 30-х гг. Василий III вынашивал планы войны с Сигизмундом, почему и завязал дружеские отношения с валашским воеводой Петром Рарешом [См., например: 14, с. 210], а также активно переписывался с Саадет-Гиреем и приманивал на свою службу Ислам-Гирея. И, на наш взгляд, нельзя исключить того, что эта война не состоялась еще и потому, что Саадет-Гирей не сумел удержать в своих руках власть [Об этой планировавшейся войне см., например: 9, с. 16–17]), то собранные на тульском направлении войска могли стать 2-м эшелоном в случае, если этот план был бы реализован. Но при такой диспозиции коломенское направление оказывалось фактически открытым, а если еще учесть, что из-за засухи реки, и Ока в том числе, сильно обмелели, то вероятность повторения сценария 1521 г. только возрастала.

Почему Василий III и его бояре столь легкомысленно отнеслись к выстраиванию обороны по берегу в этом году (особенно если учесть, что и поминки, отправленные Сахиб-Гирею по случаю его восшествия на престол, были небогатыми) — решительно непонятно. Может, они полагали, что из-за политических неурядиц крымцам будет сложно организовать более или менее серьезное предприятие? Или рассчитывали, что московские доброты (да хоть и тот же Ислам-Гирей) сумеют вовремя дать весть о готовящейся атаке? [Любопытное свидетельство на этот счет см.: 1, с. 186]. Так или иначе, но в Москве были спокойны за состояние дел на южной границе, и великий князь «начать мыслити ехати во свою вотчину на Волок на Ламский на осень, да тешится» [16, с. 552]. И в самый разгар сборов на благородную государеву потеху — Не-

больша со своей вестью! Конечно, охоту пришлось отложить до лучших времен и спешно заняться организацией отпора приближающемуся врагу.

Любопытно понаблюдать за работой механизма по мобилизации сил для отпора надвигающемуся неприятелю. Немедленно после получения сведений о появлении татар Василий III «воскоре посла по братию свою, по князя Юрья Ивановича и по князя Андрея Ивановича», и сам великий князь «часа того учал наряжаться против царевичев» [15, с. 224; 18, с. 283]. Дворы великокняжеский и удельных князей собрать было проще и быстрее хотя бы потому, что немалая часть дворян уже несла посменную службу при князе и его братьях. Однако несколько сотен (а с их людьми и побольше) «кутазников и аргуначников» все же было недостаточно, потому от имени великого князя дьяки «розосла грамоты и гонцы по всем градом и повеле людям ити к собе, а иным людям на берег к воеводам» [15, с. 224]. Опять же напрашивается предположение, что городские дети боярские должны были выступать в поход по заранее намеченному плану, зная, где они должны были собраться – дальние «города» стягивались к Москве, а ближние (по отношению к Оке) сразу шли к берегу. Здесь их уже поджидали отправленные 14 августа из столицы же воеводы князя Д.Ф. Бельский, В.В. Шуйский, М.В. Горбатый, боярин М.С. Воронцов и окольничий И.В. Ляцкий [7, с. 158; 15, с. 224; 18, с. 283]. Они должны были сорганизовать прибывающих ратников в «полки» и поддержать гарнизон Коломны, где в этом году наместничал брат Д.Ф. Бельского Иван со товарищи (3 воеводы, около 1–1,5 тыс. ратников) [20, с. 240]. Одновременно были посланы гонцы с грамотами к убывшим еще раньше, в июне 1533 г. на Мещеру (куда попытался изгоном наведаться Сафа-Гирей) С.Ф. Бельскому со товарищи (2 воеводы, около 1 тыс. «сабель») с приказом «возвратится вскоре на Коломну же с людми» [6, с. 338; 15, с. 224]. Наконец, готовясь к отбытию на «фронт», великий князь наказал «воеводам градским (московским – *В.П., Т.П.*) устроить в граде пушки и пищали, и градским людям животы возити во град (печальной памяти 1521 г. не прошел даром – теперь по подготовке столицы к осаде готовились заблаговременно, а не тогда, когда враг был уже у ворот – *В.П., Т.П.*)...» [18, с. 284].

Из всех этих сведений план кампании Василия III и его бояр выглядит более чем прозрачным – главная задача, которую должны были решить воеводы, заключалась в том, чтобы не допустить татар за Оку и надежно перекрыть броды через реку в районе Коломны. Рязанцы же должны были рассчитывать на собственные силы до тех пор, пока великий князь не соберет достаточное количество ратных людей с тем, чтобы выслать их на помощь Рязани.

В пятницу 15 августа, в «Оспожин день», после молебна в Успенском соборе, Василий III, получив благословение митрополита Даниила, выступил из Москвы вместе со своим братом Юрием в Коломенское. Здесь он намеревался ждать Андрея Старицкого и «воевод с многими людми» [18, с. 284]. Однако время было уже потеряно, «царевичи» на шаг опережали Василия III. По сообщению летописца, «безбожьнии татарове приидоша на Рязань месяца августа 15 день, в пяток на Оспожин день, и посады на Резани пожгоша, и ко граду приступаху...» [15, с. 224]. Судя по всему, татары, не имея соответствующей техники и подготовки, попытались взять Рязань изгоном, но, не преуспев в этом (рязанский наместник И.Ф. Бельский успел принять необходимые меры, собрал «детей боярских рязанцев» и подготовил город к осадному «сидению»),

рассыпались по рязанской округе «войной». Как писал летописец, «безбожьнии татарове жгуще, и в плен ведуще, и волости воююще» [15, с. 224].

Пока крымцы, пользуясь моментом, опустошали рязанские волости, Василий III собирал в Коломенском полки, и, по мере накопления сил, отправлял ратных в Коломну. 18 августа, согласно показаниям разрядных книг, на берег отправились одна за другой две рати, Ф.М. Мстиславского и И.В. Шемьяки Пронского со товарищи (всего 8 воевод, около 3,5–4 тыс. «сабель»). В Коломну же подошли и мещерские воеводы со своими людьми [20, с. 241], и, надо полагать, дети боярские с послужильцами прилегающих к Оке городов. Имея теперь под рукой не менее 10 тыс. «сабель», Д.Ф. Бельский мог чувствовать себя увереннее, чем пару дней назад, тем более что неприятель пока не показывал намерений атаковать на коломенском направлении. И Василий, дождавшийся подхода брата Андрея и наблюдавший затем, как в его лагерь в Коломенском «конно, людно и оружно» стекаются дети боярские, решил, что пора перейти к активным действиям. 18 же августа в Коломну был отправлен его наказ тамошним воеводам «самим за реку не ходить, а за реку с Коломны посылать на тех людей (татарских – *В.П., Т.П.*), которые в розгонех, лехких воевод...» [20, с. 240–241].

Выполняя государев наказ, Д.Ф. Бельский и его товарищи «послали за Оку воевод князя Ивана Феодоровича Оболенского Овчину, а в другое место князя Дмитрея князь Феодорова сына Палецкого, а в третье место князя Дмитрея княже Юриева сына Дрютцкого не с многими людьми» [18, с. 284]. Задача, стоявшая перед «лехкими» воеводами, была проста – добыть языков и погромить отдельные, оторвавшие в погоне за добычей, небольшие татарские отряды. Летописи сохранили в кратком пересказе «отписки» Д.Ф. Палецкого и И.Ф. Овчины о своих действиях. Палецкий, по словам летописца, «пришед» к «Николе к Зараскому на Осестре», где он узнал, что в 10 верстах, в селе Беззубово, «помесье Ларивонова», стоит татарский отряд. Князь немедля всел в седло и со своими людьми «потопташа их (татар – *В.П., Т.П.*), и многи же избиша, а иных живых изымаша и к великому князю отослаша» [15, с. 225; 23, с. 266].

Менее успешно действовал князь Овчина-Оболенский. Молодой и горячий воевода, действуя во главе отряда из детей боярских и дворян великого князя, сперва «доеде сторожеи татарских, и потопоша их, и поби». Обращенные в бегство крымцы, тем не менее, не потеряли головы, «и намчаша наших люди на многие люди (татарских – *В.П., Т.П.*)...». Ситуация мгновенно переменилась, и охотник превратился в добычу – «и туто князя Ивана повстретиша и его с людьми розтолкнули, а иных взяша» [15, с. 225; 23, с. 267]. Любопытно отметить, что ни в разрядах, ни в официальной Воскресенской летописи о неудачном поиске Овчины-Оболенского ничего не сказано, а весть об этом сохранилась в новгородских летописях.

Как бы то ни было, но успешные действия «лехких» воевод и, надо полагать, показания взятых в стычке с отрядом Оболенского языков, навели Сафа-Гирея и Ислам-Гирея на мысль, что пора собираться в обратную дорогу, пока не подошли на выручку рязанцам главные силы русского войска. И, как писал летописец, «царевичи» «побегоша борзо из украины великого князя вон» [18, с. 284]. Возможно, что все эти события произошли в промежутке между 19–20 августа, и свидетельство разрядной книги, что 21 августа Сафа-Гирей и его

двоюродный брат приходили на Рязань [20, с. 240], надо истолковать как указание, что именно в этот день крымцы повернули назад. Следовательно, «война» в окрестностях Рязани заняла у татар 5–6 дней. Д.Ф. Бельский отправил вдогон за татарами «лехких» воевод, но неприятель отходил так стремительно, что догнать и потрепать его посланным отрядам не удалось: «Воеводы же великого князя за ними (татарами – *В.П., Т.П.*) ходили, но не дошли их и возвратишася» [15, с. 225]. Правда, в собранных в конце XVIII в. архимандритом Иеронимом выписках из древних рукописей по истории Рязани и Рязанщины сообщается, что посланные повелением великого князя «лехкие» воеводы все же настигли татарские арьергарды на р. Проне и потрепали их [22, с. 40]. Однако насколько можно доверять этим сведениям – остается вопросом.

Получив известие о том, что противник ушел, 26 августа (согласно Воскресенской летописи – 21 августа) Василий III отпустил своих братьев в их уделы, распустил большую часть собравшегося в Коломне войска по домам (на Коломне остались 6 воевод – самое большее 2–2,5 тыс. «сабель») и поворотил в столицу [18, с. 284; 20, с. 241–242; 23, с. 267]. Так закончилось это жаркое и сухое лето 7041 года от сотворения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою Коммиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. 442 с.
2. Архив Юго-Западной России, издаваемый коммиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Ч. 8. Т. V. Акты об украинской администрации XVI–XVII в.в. Киев, 1907. 723 с.
3. *Гайворонский А.* Повелители двух материков. Т. I. Киев-Бахчисарай, 2007. 367 с.
4. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. 303 с.
5. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М., 2009. 304 с.
6. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
7. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
8. Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950. 228 с.
9. *Кром М.М.* Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. 140 с.
10. *Лаишков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII в.в., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.
11. *Левкеинский М.* Летописные записи Марка Левкеинского // Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М.-Л., 1950. С. 9–14.
12. Летописи литовско-белорусские // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 35. М., 1980. 306 с.
13. *Малиновский А.Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 178–419.

14. *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. 669 с.
15. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. 368 с.
16. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. 690 с.
17. Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8–30.
18. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. 302 с.
19. Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. 613 с.
20. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. 218 с.
21. Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. 896 с.
22. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. 129 с.
23. Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. 359 с.
24. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. М., 2005. 314 с.
25. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. № 27. 1948. С. 18–66.
26. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
27. *Черкас Б.В.* Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.
28. *Черкас Б.В.* Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. №1. С. 97–118.
29. *Bielski M.* Kronika Marcina Bielskiego. T. II. Sanok, 1856. 524 p.
30. *Inalchik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Saḥīb Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 445–466.
31. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). Leiden-Boston, 2005. 1132 p.
32. Lietuvos Metrika. Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.
33. *Plewczyński M.* Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. 460 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила 13.06.2016 г.

Принята к публикации 05.08.2016 г.

**RAID OF ISLAM GIRAY AND SAFA GIRAY
ON THE “BANK” IN SUMMER 1533***V.V. Penskoi¹, T.M. Penskaya²*^{1, 2} *Belgorod National Research University**Belgorod 308015, Russian Federation*¹ *E-mail: penskoy@bsu.edu.ru*, ² *E-mail: penskaya@bsu.edu.ru*

The murder by Nogay Mirzas of the Crimean Khan Muhammad Giray I in Astrakhan in 1523 and the subsequent devastation by the Nogays of the Crimea violated the fragile balance of forces and interests of the Crimean influential clans and led to a long and bloody Crimean “zamyatnya” that lasted fifteen years.

Objective: To analyze the raid of Islam Giray and Safa Giray on Russian lands in the summer of 1533.

Research materials: acts relating to the history of Western Siberia, Russian chronicles, Lithuanian-Belarusian chronicles, books of noble families.

Research results and novelty: during their military campaign, Islam Giray and Safa Giray did not only rely on the support of the Crimean aristocracy that had been split into hostile groups, but also on the aid of Istanbul, Vilnius and Moscow. The latter tried to use the Crimean dissension in their own interests playing off the warring Crimean “parties” and attempting to channel their energy outward, against their opponents. As a result, the previously purposeful foreign policy of the Crimean Khanate lost its integrity and become like a weather vane that was turning following breeze. Tactical considerations and the pursuit of short-term profits replaced relatively clear and confident foreign policy of Mengli Giray I and Muhammad Giray I.

As a result, none of the neighbors of the Crimea was immune from a sudden attack of the Tatar “vlans, princes and murzas” and their people who felt the freedom and were willing to risk their lives for the sake of the rich booty, which could be seized in convenient opportunity from the neighbors caught by surprise. All these years, the clouds swirled constantly on the Russian-Lithuanian-Crimean borderlands and from time to time they bursted into thunder. One of those storms was the arrival of Islam Giray and his cousin Safa Giray on sovereign “Ukraine” in the summer of 1533.

Keywords: Russia, Crimea, Russian-Crimean relations in the first half of the 16th century, Vasily III, Crimean Giray dynasty, Russian-Crimean wars.

For citation: Penskoi V.V., Penskaya T.M. Raid of Islam Giray and Safa Giray on the “Bank” in Summer 1533. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 552–569.

REFERENCES

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu Kommissieyu*. Vol. II. 1506–1544 [Acts Related to the History of Western Russia Collected and Published by the Archeological Commission. Vol. II. 1506–1544]. St. Petersburg, 1848. 442 p. (In Russian)
2. *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy komissieyu dlya razbora drevnikh aktov, sostoyashchey pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom General-Gubernatore*. Ch. 8. Vol. V. *Akty ob ukrainskoy administratsii XVI–XVII v.v.* [Archive of Southwestern Russia Published by the Commission for Analysis of Ancient Acts under the Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General. Ch. 8. Vol V. Acts of the Ukrainian Administration of the 16th–17th centuries]. Kyiv, 1907. 723 p. (In Russian)

3. Gayvoronskiy A. *Poveliteli dvukh materikov* [Masters of Two Continents]. Vol. I. Kyiv-Bakhchisaray, 2007. 367 p. (In Russian)
4. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, 2006. 303 p. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov* [The Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th centuries]. Moscow, 2009. 304 p. (In Russian)
6. Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni (oчерki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia at the turn of Modern Time (essays on the Russian political history of the first third of the 16th century)]. Moscow, 1972. 452 p. (In Russian)
7. Zimin A.A. *Formirovanie boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – pervoy treti XVI v.* [Formation of Boyar Aristocracy in Russia in the second half of the 15th – the first third of the 16th centuries]. Moscow, 1988. 350 p. (In Russian)
8. *Kniga Bol'shomu chertezhu* [Book of Great Drawing]. Moscow, Leningrad, 1950. 228 p. (In Russian)
9. Krom M.M. *Starodubskaya vojna (1534–1537). Iz istorii russko-litovskikh otnosheniy* [The Starodubskaya War (1534–1537). From the History of Russian-Lithuanian Relations]. Moscow, 2008. 140 p. (In Russian)
10. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII v.v., khranyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arkhivе Ministerstva Inostrannykh Del [Monuments of Diplomatic Relations of the Crimean Khanate with Moscow in the 16th and 17th centuries Stored in Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of Tauride Scientific Archival Commission]. Is. 9. Simferopol, 1890, pp. 1–47. (In Russian)
11. Levkeinskiy M. Letopisnye zapisi Marka Levkeinskogo [Annalistic Records by Mark Levkeinsky]. Zimin A.A. *Kratkie letopisty XV–XVI vv.* [Brief Chroniclers of the 15th–16th centuries]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. Vol. V. Moscow, Leningrad, 1950, pp. 9–14.
12. Letopisi litovsko-belorusskie [Lithuanian-Belarusian Chronicles]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 35. Moscow, 1980. 306 p. (In Russian)
13. Malinovskiy A.F. Istoricheskoe i diplomaticheskoe sobranie del, proiskhodivshikh mezhdru rossiyskimi velikimi knyaz'yami i byvshimi v Krymu tatarskimi tsaryami s 1462 po 1533 god [Historical and Diplomatic Collection of Affairs that Occured between the Russian Grand Princes and Tatar Tsars Who Ruled in the Crimea from 1462 to 1533]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. V. Odessa, 1863, pp. 178–419. (In Russian)
14. Malinovskiy I. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Collection of Materials Related to the History of the Pans of Rada of the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901. 669 p. (In Russian)
15. Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle According to the P.P. Dubrovsky's Copy]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XLIII. Moscow, 2004. 368 p. (In Russian)
16. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. IV. Part. I. Moscow, 2000. 690 p. (In Russian)
17. Postnikovskiy letopisets [Postnikovsky Chronicler]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, pp. 8–30. (In Russian)
18. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Chronicle According to the Voskresensky Copy]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VIII. Moscow, 2001. 302 p. (In Russian)

19. *Razryadnaya kniga 1475–1598* [Book of the Noble Families 1475–1598]. Moscow, 1966. 613 p. (In Russian)
20. *Razryadnaya kniga 1475–1605* [Book of the Noble Families 1475–1605]. Vol. I. Part. II. Moscow, 1977. 218 p.
21. Russkiy khronograf [Russian Chronograph]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXII. Moscow, 2005. 896 p. (In Russian)
22. *Ryazanskie dostopamyatnosti, sobrannye arhimandritom Ieronimom s primechaniyami I. Dobrolyubova* [Ryazan Memorabilities Collected by Archimandrite Hieronymus with notes by I. Dobrolyubov]. Ryazan, 1889. 129 p. (In Russian)
23. Sofiyskie letopisi [Sofian Chronicles]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VI. St. Petersburg, 1853. 359 p. (In Russian)
24. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoj Porty* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte]. Vol. I. Moscow, 2005. 314 p. (In Russian)
25. Smirnov I.I. Vostochnaya politika Vasiliya III [Eastern Policy of Vasily III]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. 1948, no. 27, pp. 18–66. (In Russian)
26. Syroechkovskiy V.E. Mukhammed-Girey i ego vassal [Muhammad Giray and His Vassals]. *Uchenye zapiski Mo-skovskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova* [Proceeding of M.V. Lomonosov Moscow State University]. Is. 61. Istoriya. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71. (In Russian)
27. Cherkas B.V. Ostafiy Dashkovich – cherkas'kiy i kanivs'kiy starosta XVI st. [Ostafy Dashkovich – Starosta of Cherkasy and Kaniv in the 16th century]. *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2002, no. 1, pp. 53–67. (In Ukrainian)
28. Cherkas B.V. Politichna kriza v Krim'skomu khanstvi i borot'ba Islam-Gireya za vladu v 20–30-kh rokakh XVI st. [Political Crisis in the Crimea and Islam Giray's Struggle for Power in the 1420–30s]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasya do kintya XVIII st.)* [Ukraine in Central-Eastern Europe (from ancient times to the late 18th century)]. 2000, no. 1, pp. 97–118. (In Ukrainian)
29. Bielski M. *Kronika Marcina Bielskiego*. Vol. II. Sanok, 1856. 524 p.
30. Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 445–466.
31. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century)*. Leiden-Boston, 2005. 1132 p.
32. *Lietuvos Metrika*. Kn. 15. (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.
33. Plewczynski M. *Wojny i wojskowość polska w XVI wieku*. Vol. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. 460 p.

About the authors: Vitaly V. Penskoï – Dr. Sci. (History), Professor, Belgorod National Research University (85, Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Belgorod National Research University (85, Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Received 13 June, 2016

Accepted for publication August 5, 2016